софски мыслящихъ соціалистовъ Англіи, пытается, оставаясь на почвѣ экономическаго матеріализма, сдѣлать къ ученію кой-какіе комментаріи, имѣющіе цѣлью обратить вниманіе и на извѣстное значеніе нравственнаго и вообще идейнаго элемента. Въ Италіи Антоніо Лабріола старается вскрыть недоразумѣніе, заключающееся, по его мнѣнію, въ терминѣ «экономическій факторъ» и противопоставленіи слѣдняго прочимъ факторамъ общественной жизни и напираетъ на необходимость, отбросивъ это выдѣленіе и противопоставленіе, разсматривать общественную жизнь, какъ нѣчто цѣлое, хотя и происходящее на фундаментѣ матеріальныхъ условій. Сорэль во Франціи, Бенедетто Кроче въ Италіи дѣлаютъ критическія поправки къ теоріи стоимости, равно какъ къ матеріалистическому пониманію исторіи,—этимъ, по давно высказанному Энгельсомъ мнѣнію, двумъ основнымъ пунктамъ марксовскаго ученія. И довольно знаменательно, что самъ Энгельсъ въ послѣдніе годы своей жизни, въ письмахъ къ единомышленнику (если не ошибаюсь, Конраду Шмидту), — напечатанныхъ безъ имени адресата вскорѣ послѣ смерти Энгельса, — сознается въ нѣкоторыхъ преувеличеніяхъ теоріи, съ неудовольствіемъ указываетъ на карикатурное искаженіе ея черезчуръ ревностными учениками и даетъ по двумъ-тремъ вопросамъ такія поясненія, которыя отнимаютъ у марксовской доктрины ея первоначальную рѣзкую физіономію. Вскорѣ и въ статьяхъ такого правовѣрнаго и страстнаго марксиста, какъ Бернштейнъ, начинаютъ замѣчаться все болѣе и болѣе рѣзкія отклоненія отъ обычнаго пониманія теоріи Маркса, напр., рядомъ съ матеріальной эволюціей подчеркивается болѣе, чѣмъ то дѣлалось до сихъ поръ марксистами, идеологическій элементъ и т. п., пока, наконецъ, столь много надѣлавшая шуму книга о «Предпосылкахъ соціализма и задачахъ соціаль-демократіи» не распространила критику на главныя положенія марксизма и даже вообще на весь революціонный соціализмъ.

Дальнѣйшія проявленія кризиса у всѣхъ налицо и обнаруживаются все ярче и рѣзче, затрагивая все большую и большую часть членовъ прежняго символа вѣры и охва-

тывая вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе широкіе слои между соціалистами. Теперь можно сказать, не особенно погрѣшая противъ истины, что нѣтъ почти ни одного положенія въ доктринѣ марксизма, которое бы оставалось внѣ критики и сомнѣнія, какъ нѣтъ почти ни одной формулы, которая раздѣлялась бы всѣми учениками и послѣдователями.

Опятьтаки, не входя въ очень большія подробности, мы можемъ для иллюстраціи указать на нѣсколько очень спорныхъ пунктовъ, толкованіе которыхъ вызываетъ ожесточенныя пренія. Возьмите хотя бы вопросъ объ историческихъ границахъ приложенія экономическаго матеріализма къ развитію человѣческаго общества. Примѣнима ли теорія преобладающаго вліянія отношеній производства къ первобытнымъ временамъ? Если припомнить, что приложеніе этой теоріи къ первоначальному строю общества, гдѣ играютъ такую роль родовыя отношенія, было достигнуто Энгельсомъ лишь путемъ почти каламбура: «производство людей есть тоже особая форма экономическаго производства», то сама натянутость подобнаго объясненія, допущенная такимъ замѣчательнымъ мыслителемъ, какъ авторъ «Происхожденія семьи, собственности и государства», уже является лучшимъ возраженіемъ противъ универсальности теоріи. Съ другой стороны, если привести себѣ на память, что Энгельсъ же въ своихъ письмахъ къ Шмидту прямо отказывается выводить религію первобытнаго общества съ очень слабо развитой техникой изъ тогдашнихъ условій производства, а видитъ въ этой религіозной идеологіи лишь отраженіе «нелѣпости», царящей въ головахъ людей того періода, то опятьтаки подобное, далеко не философское разсужденіе Энгельса дѣлаетъ честь его откровенности, но наноситъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствительный ударъ всеобщности «матеріалистическаго пониманія исторіи».

Параллельно съ этой альфой общественнаго развитія интересно было бы разсмотрѣть и его омегу, а именно то состояніе, въ которое общество придетъ тогда, когда, согласно яркой и эффектной фразѣ, «человѣчество сдѣла-